

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

154

РАННИЕ КОЧЕВНИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1978

VI—V вв. до н. э. не противоречат и остальные находки, в частности глиняные сосуды.

Бесобинский курган принадлежит к наиболее богатым погребениям приуральских жриц, составлявших ярко выраженную привилегированную социальную прослойку древних скотоводческих племен Орь-Илекского междуречья.

- ¹ Граков Б. Н. Пережитки матриархата у сарматов. — ВДИ, 1947, № 3, с. 100—121.
- ² Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 200—205; Хазанов А. М. Материнский род у сарматов. — ВДИ, 1970, № 2.
- ³ Шилов В. П. Калиновский курганный могильник. — МИА, № 60, 1959, с. 430—432; Смирнов А. П. К вопросу о матриархате у савроматов. — В кн.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 188—190.
- ⁴ Хазанов А. М. Социальная история скифов. М., 1975, с. 86.
- ⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 26.
- ⁶ Ср.: Смирнов А. П. К вопросу о матриархате... с. 190.
- ⁷ Граков Б. Н. Пережитки матриархата..., с. 109, 110; Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 202—205.
- ⁸ Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 203—204.
- ⁹ Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. — САИ, вып. Д1-9, 1963, с. 6.
- ¹⁰ Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 162.
- ¹¹ Там же, с. 302, рис. 10, 1е.
- ¹² Кадырбаев М. К. Могильник Жиланды на реке Нуре. — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, с. 44, рис. 12.
- ¹³ Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I. М.—Л., 1962, рис. 2, 3, 19; Завитухина М. П. Курганы у с. Быстрянского в Алтайском крае. — АСГЭ, 8, 1966, рис. 3, 3; Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы. — Вестник МГУ, сер. ист.-филол., 1958, № 4, табл. II, 57.
- ¹⁴ Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 10 (тип Id).
- ¹⁵ Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, рис. 81.
- ¹⁶ Смирнов К. Ф. Савроматы, рис. 10, 17, 18.

Х. Ю. ЮСУПОВ

НОВЫЙ ПАМЯТНИК ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ НА УЗБОЕ

Изучение памятников кочевого населения античного периода на территории современного Туркменистана было начато в 50-х годах Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией и Институтом истории, археологии и этнографии АН ТССР. Изучение курганных памятников Присарыкамьшской дельты Амударьи проводилось Хорезмской археолого-этнографической экспедицией под руководством С. П. Толстова¹. В эти же годы А. А. Марущенко были раскопаны курганные погребения сарматского времени (Хаскяриз, Кизыл-чешме) в подгорной полосе Южного Туркменистана². Проведены раскопки могильников на побережье Амударьи (Бабашов)³, в подгорной полосе Копет-Дага (Пархай Мешрепитахта, Чукур и др.)⁴ и в других местах археологическим отрядом Института истории, археологии и этнографии АН ТССР и Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством А. М. Мандельштама⁵.

С 1970 г. отряд отдела археологии Института истории им. Ш. Батырова АН ТССР ведет систематические исследования курганных памятников Северо-Западной Туркмении. Раскопки проводились в могильниках Богарслан, Камалкыр, Черешлы 1—3, Гичгельды, Таланхайата, Акяйла, Гараязы и на Дордуле.

Природно-климатические условия Северо-Западного Туркменистана благоприятствовали развитию кочевого скотоводства в разные исторические периоды. Немаловажное значение имел Узбой, протекавший через огромное пространство пустыни. В последние годы на Узбое изучены многочисленные курганные памятники.

В 1974—1975 гг. на Узбое обследован памятник, получивший название Ичянлы-депе. Ичянлы-депе расположен наверху самой южной сопки Дордуля. Это развалины сооружения, почти квадратного в плане размерами 35×40 м, возведенного из необработанных каменных плит ракушечника. В центре находится всхолмление округло-овальной формы высотой около 3 м, размерами по линии восток—запад 27 м, север—юг — 16 м. Основанием всхолмления служит скалистый материк. На верху и на склонах видны стоящие ребром крупные плиты, в северо-западном и северо-восточном углах заметны остатки стен квадратных и прямоугольных в плане комнат. Юго-западный и юго-восточный углы сооружения выступают массивными валами, между которыми расположена низина. Развалины покрыты мелкими и средних размеров кусками плитняка и шлаками. Керамика, поднятая на поверхности памятника, малочисленна и сильно фрагментирована.

Расчистка поверхности центрального всхолмления выявила помещение прямоугольной в плане формы, размерами 4,5—3,5 м, сооруженное из поставленных на ребро плит и ориентированное длинными сторонами с востока на запад. Изнутри на глубину 45—50 см оно заполнено известью с мелкими кусками известняковых плит⁶, затем на глубину около 1 м — завалом мелких закопченных (?) плит. Ниже на скалы плиты поставлены ребром и образуют узкие закопченные сооружения (поды печей?). Между ними сохранились остатки древесных угольков и даже веточки какого-то сгоревшего кустарника. На этом раскопе единственной находкой является миниатюрная модель корытообразного сосуда (рис. 1, 40). Тесто в изломе сероглиняное с примесью песка и дресвы.

Частичные раскопки юго-восточной части памятника выявили помещение неправильной формы 7×6×5×5 м с двумя (южным и западным) входами. Помещение сооружено из плит, уложенных плашмя. Строительным материалом служили также шлаки. Изнутри комната облицована плитами, поставленными на ребро. Высота стен 2 м, толщина — 2,6 м, пол — неровная скала. В центре комнаты сооружена прямоугольная камера, основанием ее служит квадратная плита (размеры 1×1×0,15 м). Боковые стенки сложены из крупных вертикально поставленных плит, укрепленных снаружи более мелкими плитами, уложенными плашмя. Комната была заполнена надувным песком, в котором найдено немного обломков керамических сосудов, несколько обломков костей животных и один бронзовый трехлопастный наконечник стрелы с выступающей втулкой. Среди плит найден круглодонный сероглиняный лепной горшочек (рис. 1, 10), аналогичный по форме и фактуре горшочкам из курганных памятников Верхнего Узоя.

Западный проход ведет в какое-то крупное помещение (или двор), раскопанное лишь частично. Здесь на участке длиной 14 м расчищена северная стена, возведенная из крупных плит, поставленных с наклоном в сторону центрального всхолмления. Уровень культурного слоя не везде одинаков: у прохода — около 1 м, к западу постепенно понижается до 0,3—0,5 м. Дальнейшие раскопки в западном направлении выявили еще одно помещение (?) неправильных очертаний.

В заполнении всего раскопа в большом количестве найдены лепная и круговая керамика, бронзовые трехлопастные втульчатые наконечники стрел, обломки челюсти с зубами крупных животных и копыта лошадей. Керамика преимущественно лепная, представлена в основном горшками с прямым, слегка отогнутым наружу или загибающимся внутрь,

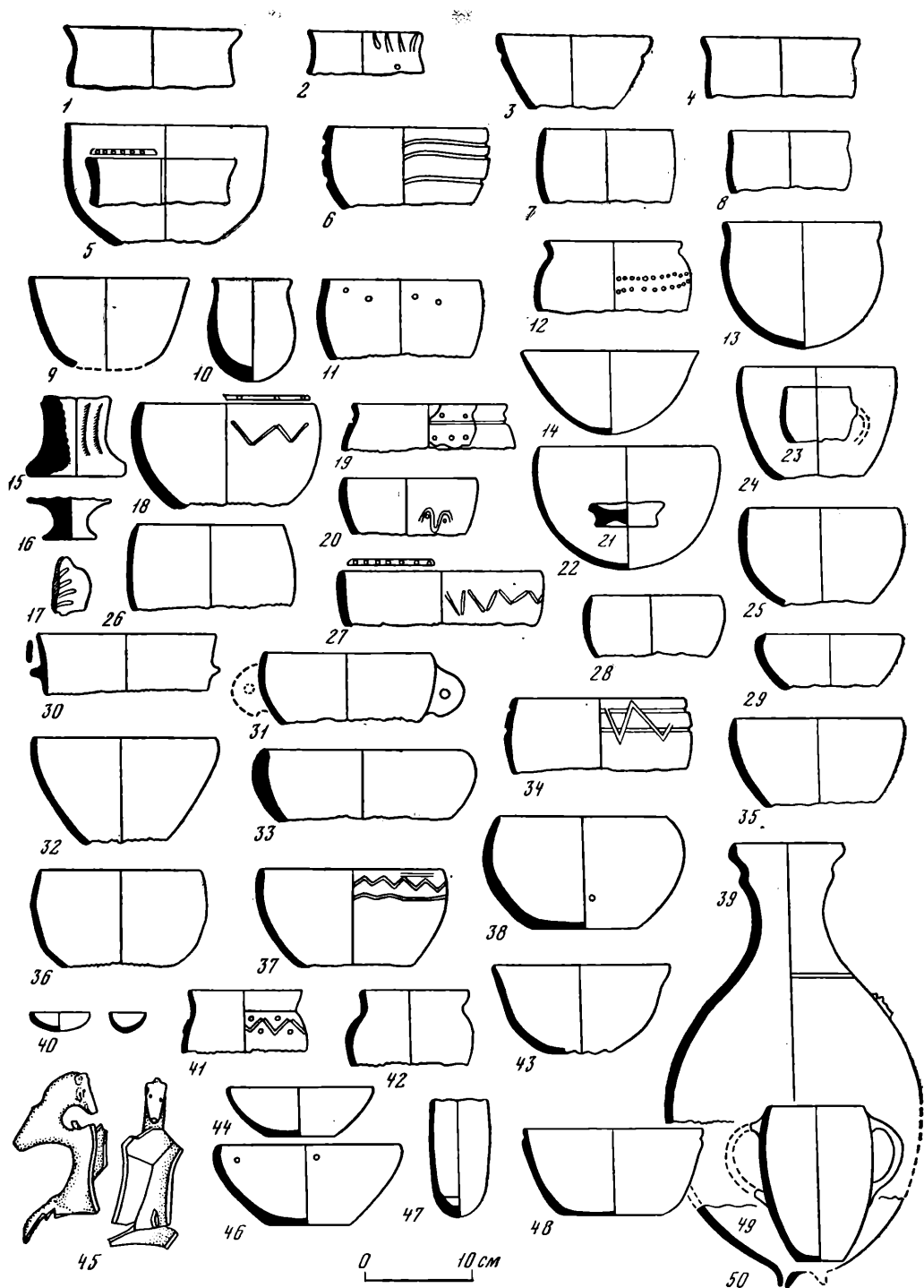

Рис. 1. Керамика Ичянлы-депе (1—50)

утолщенным и слегка закругленным венчиком, округлым полусферическим или чуть выпуклым туловом, круглым, уплощенным, плоским или кольцевым дном. Ручки плоские, с отверстием, прикрепленные вертикально или горизонтально, ручки-держалки в виде выступа, кольцевидные ручки, круглые в сечении. Орнамент нарезной: одинарные, парные или тройные концентрические круги, штрихи или вдавленные кружочки, насечки и налепные валики, нанесенные по верхней части сосуда и по краю венчика. Встречается также прорезной зигзагообразный орнамент, в верхней части зигзага имеется по одному кружочку, нанесенному вдавлением. Все эти орнаменты выполнены до обжига. Обжиг неравномерный, тесто в изломе светло- и темно-серое. В тесте — значительные примеси. Имеется фрагмент венчика с отпечатками ткани. Найдены обломки вазообразных сосудов на сплошном и полом коническом поддоне различных размеров, иногда выпуклом у основания, и с вертикальными каннелюрами. К лепным сосудам относятся также обломки двух фляг. Тесто хорошо промешено. Изготовлены они более тщательно, на станке.

Круговые сосуды представлены обломками кувшинов, фляг, чашек и кружек. Венчики прямые, простые, слегка закругленные или треугольные в сечении. Тулово округлое, дно плоское. Ручки круглые в сечении. Встречаются чаши с загибающимися внутрь краями и округлой верхней частью. Носики не крупные цилиндрические. Найдены обломки сосудов со сплошным лощением. Тесто в изломе красновато-коричневое, кремовое, светло-желтое и темно-серое. Есть один круглодонный сосудик со сферическим туловом (рис. 1, 49). Снаружи на нем сохранились остатки бледно-зеленой поливы. Тесто в изломе пористое, светло-серого цвета.

Обломками представлен узкогорлый сосуд с треугольным в сечении венчиком, округлым дном. У горла имеется рельефный валик, горло от плечика отделяется бороздкой. В донной части сохранился один острижок в виде сосочка со сквозным отверстием, соединяющийся с внутренней частью сосуда. Тесто в изломе бледно-розовое с примесью дресвы. Сосуды с двумя или одним отверстием, обычно оформленные сосковидными налепами в донной части, были широко распространены в ранний и поздний периоды античности. Они известны среди материалов кувшинных захоронений из Азербайджана⁷. На Кой-Крылган-кала они обнаружены в нижнем и среднем строительных горизонтах⁸. В Старом Чарджоу они найдены в слое, датированном монетами III—IV вв. н. э.⁹ Кувшин с остроконечным дном со сквозным отверстием найден в Старом Мерве (Гяур-кала) и ориентировочно датирован первыми веками нашей эры¹⁰. Назначение этих сосудов неясно: предполагается, что они связаны с религиозными церемониями.

От одной из двух круговых фляг найдены обломки плоской и выпуклой сторон из теста красновато-кремового цвета. От другой фляги найдены обломки плечика и часть тулова с узким обломанным краем горла, ручка, близкая к полуцилиндру, с вертикальным неправильным отверстием; тесто в изломе темно-серого цвета.

Заслуживают внимания обломки зооморфных ручек. Отметим часть горла и плечика кувшина с ручками в виде фигурки лошади (рис. 1, 47). Сохранившаяся часть кувшина и ручка залощены. Переход от горла к плечу выделен валиком. Красноглиняная лощеная фигурка-налеп — видимо, птица (?). Найдена также грубо вылепленная от руки фигурка собачки, видимо, служившая детской игрушкой.

Кроме керамики, отметим бронзовую пластинку, напоминающую стилизованную фигурку лежащего хищника. Близкое изображение известно среди находок из хорезмской крепости Джанабас-кала, относящейся к кангуйскому времени¹¹.

При раскопках Ичявлы-депе найдено более 30 бронзовых трехлопастных и трехгранных (?) втульчатых наконечников стрел разных размеров,

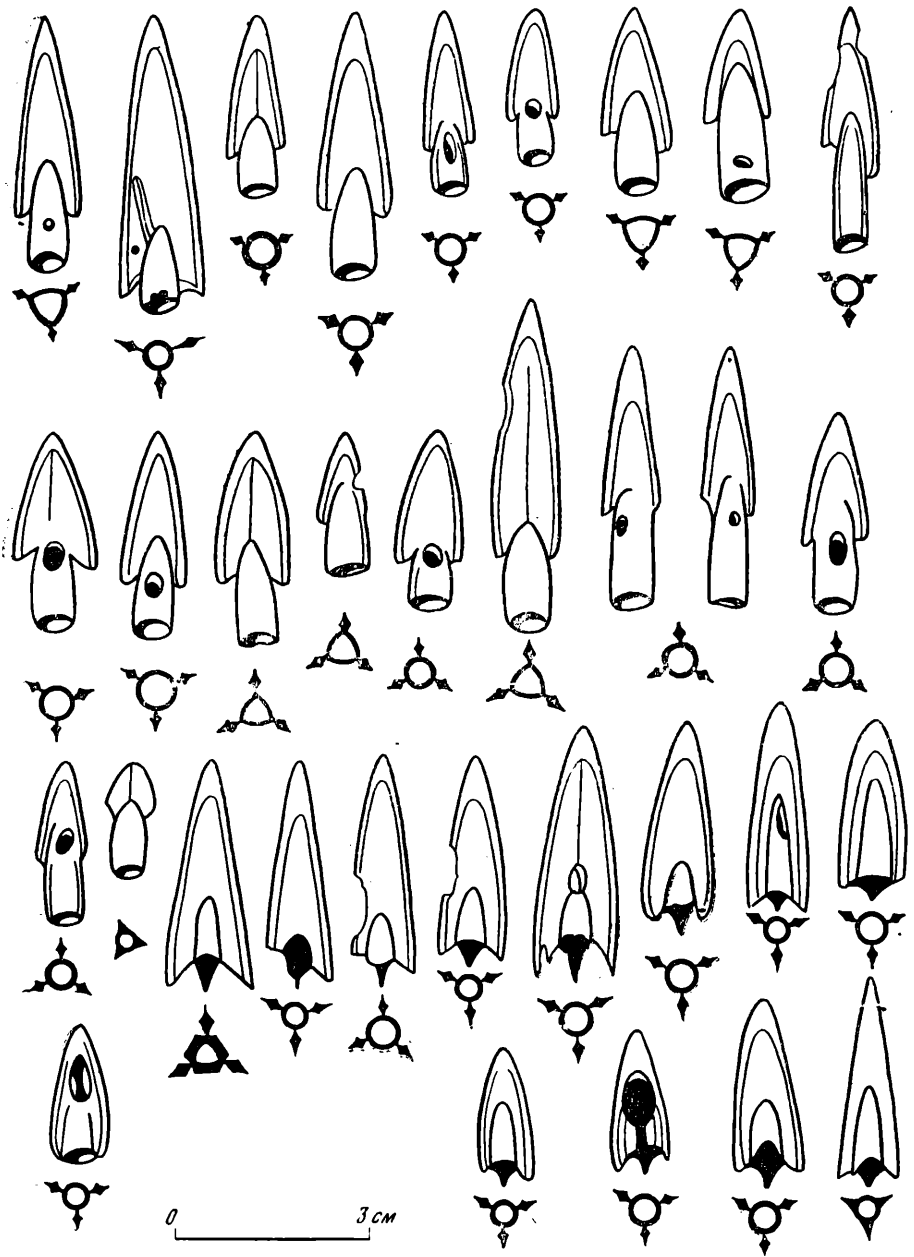

Рис. 2. Наконечники стрел Ичяны-дөпе

со скрытой и выступающей втулкой, с опущенными жальцами (рис. 2). Один трехлопастный черешковый наконечник железный, он сильно изъеден коррозией.

Расположение развалин наверху сопки пока не находит объяснения. Находки в развалинах керамических шлаков, а также встреченные в соседних курганах крупные корытообразные и кувшинообразные сосуды-костехранилища, не пригодные для перевозок, позволяют предположить, что среди насельников «усадьбы» были керамисты. Преобладание керамических материалов, изготовленных от руки, свойственно кочевникам-скотоводам.

Часть описанных круговых и лепных сосудов Ичянлы-депе относится к той серии керамических материалов, которые были распространены и в ранней античности. Некоторые круговые сосуды по форме и фактуре близки керамике Хорезма раннекангюйского времени¹², а также сосудам из развалин парфянских поселений подгорной полосы Копет-Дага, датруемым III—II вв. до н. э.¹³

Основным датрующим материалом памятника служат стройные бронзовые трехлопастные и трехгранные втульчатые наконечники стрел скифо-сарматского типа. Детальная хронологическая классификация бронзовых наконечников стрел Средней Азии не создана, поэтому мы вынуждены обращаться к материалам сопредельных территорий. В частности, вполне правомерно привлечение материалов из раннесарматских погребений Поволжья и Приуралья¹⁴. Однако, учитывая, что эта классификация разработана для другой территории, нельзя исключить возможность несколько иной датировки некоторых типов наконечников. Основанием для сопоставления может служить отмечаемое многими исследователями сходство материальной культуры среднеазиатских скотоводческих племен с сарматской¹⁵.

Наконечники стрел из Ичянлы-депе следует датировать в пределах V—IV вв. до н. э. Эту датировку, видимо, можно расширить до V—II вв. до н. э., так как при раскопках курганных памятников (Дордуль, курган 1 (1971 г.), курган 10 (1973 г.), Талайханата, курган 5 (1972 г.), Акяйла, курган 1 (1974 г.) и др.) подобные бронзовые наконечники стрел найдены совместно с раннекангюйской (IV—II вв. до н. э.) и раннепарфянской (III—II вв. до н. э.) керамикой.

Таким образом, на Дордуле наряду с различными погребальными памятниками IV в. до н. э.—IV в. н. э. выявлена интересная каменная постройка. До завершения раскопок трудно сказать что-либо определенное о назначении этого памятника. Отметим лишь, что нет никаких данных, позволяющих сделать вывод о том, что это была погребальная постройка. Возможно, это остатки своеобразного культового центра массагетских племен. Этот памятник в настоящее время — наиболее древний комплекс на Дордуле и, очевидно, самый ранний из известных античных памятников на Узбое.

¹ *Вайнберг Б. И.* Могильник Тумек-кичиджик в Северной Туркмении. — АО 1972 г. М., 1973; *она же.* Новые памятники куюсайской культуры в Северной Туркмении. — АО 1974 г. М., 1975; *Логовиц В. А.* Новые данные о подбойных погребениях в Туркмении. — В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.

² *Марущенко А. А.* Курганные погребения сарматского времени в подгорной полосе Южного Туркменистана. — Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТССР, т. 5, 1959.

³ *Мандельштам А. М.* Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. — Труды Таджикской археологической экспедиции. Л., 1975.

⁴ *Мандельштам А. М.* Некоторые новые данные о памятниках кочевого населения Южного Туркменистана в античную эпоху. — Известия АН ТССР, сер. обществ. наук, № 2, 1963; *он же.* Мешрепитахтинский могильник. — КСИА, 128, 1971.

⁵ Подробные отчеты и рукопись А. М. Мандельштама хранятся в архиве Института истории им. Ш. Батырова АН ТССР.

⁶ Создается впечатление, что здесь обжигали известь. Остатки извести, вероятно, относятся к более позднему времени.

⁷ *Казиев С. М.* Археологические раскопки в Мингечауре. Альбом кувшинных погребений. Баку, 1960, с. 22, табл. XXVI, 1, 4, 6.

⁸ *Кой-Крылган-кала* (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. V). М., 1967, с. 112, табл. V, 23, 24; с. 126, табл. X, 136.

⁹ *Массон М. Е.* Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр. — Труды ЮТАКЭ, т. XIII. Ашхабад, 1966, с. 147, рис. 44.

¹⁰ *Пиотровский Б. Б.* Разведочные работы на Гяур-кала в Старом Мерве. — В кн.: Материалы ЮТАКЭ, вып. I. Ашхабад, 1942, с. 37, 38, рис. 4 (верхний левый сосуд).

¹¹ *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948, с. 88, 89, рис. 26 (снизу второй ряд, первый слева).

- ¹² *Воробьева М. Г.* Керамика Хорезма античного периода. — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. IV. М., 1959, с. 110—114, рис. 17, 23, 25, 30; 19, 2.
- ¹³ *Пилипко В. Н.* Раскопки парфянского сельского поселения в местности Гаррыкяриз (Парфияна). — В кн.: Каракумские древности, вып. III. Ашхабад, 1970, с. 79, 80; *он же.* Исследование античных памятников в Северной Парфии в 1970 г. — В кн.: Каракумские древности, вып. IV. Ашхабад, 1972, с. 78—86.
- ¹⁴ *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры. — САИ, вып. Д1-10, 1963, с. 30, 31, табл. 14—16.
- ¹⁵ *Мандельштам А. М.* Некоторые новые данные..., с. 27, 32; *Марущенко А. А.* Памятники кочевников..., с. 115, 116; *Обельченко О. В.* Лявандакский могильник. — В кн.: История материальной культуры Узбекистана, вып. 2. Ташкент, 1961, с. 172.

Г. А. КУШАЕВ

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА

Западный Казахстан, включающий в себя территорию Уральской, Гурьевской и Актюбинской областей, археологически изучен слабо. Одной из причин этого является фрагментарность источников и источниковедческой базы.

Говоря о периоде ранних кочевников, исследователи обычно перенесли на Западный Казахстан свои представления об археологических культурах смежной территории. Период раннего средневековья оставался полностью неизученным, а развитие средневековья связывалось с историей Золотой Орды. Подобное представление о древней и средневековой истории Западного Казахстана было закономерным. Главными источниками по эпохе железа Западного Казахстана до последних лет являлись раскопки И. В. Синицына в низовьях Большого Узенья¹ и К. Ф. Смирнова в Оренбуржье² и на Илеке³.

Систематические археологические исследования были начаты Уральским педагогическим институтом в 1968 г., и накопленные к настоящему времени данные позволяют говорить о локальных особенностях в культуре древних сарматских племен Западного Казахстана (керамика, погребальный обряд, топография памятников); об устойчивых культурных и экономических связях племен начала нашей эры со Средней Азией и югом Казахстана; об исторической непрерывности и преемственности в развитии материальной культуры и этноса с глубокой древности до развитого средневековья (прослеживается преемственность физических типов древнего населения от эпохи бронзы до периода Золотой Орды).

Археологическими раскопками 1968—1971 гг. изучены курганы могильников Чалкар I—VI, содержавшие материалы по истории савроматов⁴ и сарматов⁵, сарматов и алан, огузов и печенегов, половцев (кыпчаков) и ранних казахов. Экспедициями 1972—1973 гг. исследованы курганы могильников Барбастау I—V с материалами разных этапов сарматской культуры и средневековья. Наконец, надзорные археологические экспедиции 1974—1975 гг. изучили курганы могильников Алебастрово I, II, Кара-Су I, Мокринский I, III, Кысык-Камыс I с материалами эпохи бронзы⁶ и железа, периода поздних кочевников и периода Золотой Орды.

Таким образом, за последние восемь лет раскопано 157 курганов, содержащих более 200 захоронений, датирующихся временем от эпохи бронзы до периода Золотой Орды.

При обследовании площади затопления Айдарханской оросительной системы в низовьях р. Большой Узень были выявлены могильники Кара-Су I, II, Сорчаганак I, Мокринский I—III. В 1974—1975 гг. здесь

ЎЗБЕКСТАН ССР
ИЛИМЛЕР АКАДЕМИЯСИ
ҚАРАҚАЛПАҚСТАН ФИЛИАЛЫНЫҢ

ХАБАРШЫСЫ

ТОҒЫЗИНШИ ЖЫЛ БАСЫЛЫҰЫ

ВЕСТНИК

КАРАКАЛПАКСКОГО ФИЛИАЛА
АКАДЕМИИ НАУК
УЗБЕКСКОЙ ССР

ГОД ИЗДАНИЯ ДЕВЯТЫЙ

№ 2 (32)

1968

КАРАКАЛПАКСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК
УЗБЕКСКОЙ ССР

ском комплексе печи расположены группами по две и по три, причем в каждую из них входят печи разных размеров, предназначенные для обжига посуды разной величины. Это обстоятельство отмечено уже ранее при обследовании близких по времени печей в Хорезме¹ и на других территориях и справедливо объясняется тем, что таким образом легче было регулировать процесс обжига, который получался более равномерным,² чем если бы в печь загружали одновременно огромные хумы и мелкие чашечки (что, однако, тоже не исключалось и тогда регулирование распределения жара сводилось к размещению посуды в разных ярусах по высоте).

К сказанному следует добавить, что топки печей в каждой группе обращены в разные стороны—это обеспечивало возможность работать при смене направления ветра, причем топка основной, крупнейшей из них, всегда обращена на юг, в подветренную сторону.

Раскопки печей у Яккепарсана и Кошпарсана пополняют сведения о керамическом ремесле античного Хорезма, полученные в основном благодаря сплошному обследованию земель древнего орошения в правобережном и левобережном Хорезме.

М. Г. Воробьевой было предпринято картирование остатков керамических производств. Описанные нами печи при этом учтены не были, поскольку открыты позднее также, как и некоторые другие, сосредоточенные главным образом между Топрак-калой и Султануиздагом, а также в районе Джанбас-калы. Картографирование привело к интересным наблюдениям, однако материал изучен далеко еще не исчерпывающе.

Так, в частности, нам кажется небезынтересным, что остатки керамических печей обнаружены в каждом сельском поселении, остатки крупных керамических производств—невдалеке от больших поселений или городов, т. е. тоже, главным образом, в сельской местности. Как нам кажется, этот факт не может быть не принят во внимание при исследовании вопроса об отделении ремесла от земледелия в древнем Хорезме (речь идет о первых веках н. э.), хотя вполне понятно, что эта проблема не только не может быть решена, но даже и поставлена во всем объеме без раскопок хорезмийских городов указанного времени.

Резюме

Автор эйемги Хорезмдеги гүлалшылык өнери бойынша жаңа материалларға анализ береди.

Н. ЮСУПОВ, Ю. МАНЫЛОВ

К ИЗУЧЕНИЮ ГОРНОГО ДЕЛА СУЛТАНУИЗДАГА

Горное дело древнего, средневекового Хорезма и Хивинского ханства до последнего времени остается слабо изученным, несмотря на многочисленные упоминания о нем в работах разных авторов.

Настоящая статья ставит своей целью собрать воедино все упоминания о горном промысле в Султануиздаге с древнейших времен до наших дней и привлечь внимание к изучению этого важного вопроса.

Наиболее ранним сообщением, косвенно говорящим о наличии горных разработок в Хорезме, является строительная надпись Дария I (552—486 гг. до н. э.) о возведении дворца в Сузах. В числе многих материалов для его отделки, поступавших из разных сатрапий ахеменидского государства, упоминается камень „ахшайна“ из Хорезма. В. И. Авдиев подразумевает под этим камнем бирюзу,³ а М. М. Дьяков и О. В. Кудрявцев—гематит.⁴ В другой работе М. М. Дьяков предполагает под камнем, поступавшим из Хорезма, „гематит или бирюзу“.⁵

¹ М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма..., стр. 212.

В. Ф. Гайдукевич. Античные обжигательные керамические печи. М.—Л., 1934, стр. 43. С. В. Лунина. Техническое устройство гончарных печей средневекового Мерва. Труды ЮТАКЭ, т. VIII. Ашхабад, 1958, стр. 356.

³ В. И. Авдиев. История Древнего Востока. М., 1953, стр. 548.

⁴ Всемирная история, т. 2. М., стр. 190.

⁵ М. М. Дьяков. Очерк истории Древнего Ирана. М., 1961, стр. 108.

М. Е. Массон считает, что „ахшайна“ есть тальковый камень, в изобилии встречающийся в Султануиздаге.¹

В указанных предположениях имеется значительный элемент случайности. Достаточно сказать, что в Хорезме и соседних с ним областях отсутствуют гематитовые руды. Трудно также предположить, что для строительства дворца в Сузах применялись тальковый камень и бирюза.

На наш взгляд, наиболее вероятно под загадочным камнем видеть мрамор. В конце 1966 г. в горах Султануиздага были найдены мраморные капители в виде протомов сфинксов, выполненные в очень характерном для ахеменидского искусства стиле.

Для последующего времени (IV в. до н. э.—X в. н. э.) мы не располагаем определенными сведениями о горном деле в Хорезме.

Для X—XI веков имеются отрывочные сведения о Хорезме в географических сочинениях ал-Истахри (930—933 гг.), у анонимного автора „Худуд-ал-алема“, ал-Макдиси и Абу Рейхана Бируни.

Быстрое развитие городов, отмечаемое указанными авторами, отражает рост экономического могущества Хорезма. Однако о добыче полезных ископаемых или драгоценных камней по данным письменных источников судить нельзя. Среди предметов хорезмийского экспорта мы не находим упоминания ни о продукции горного промысла, ни об изделиях, указывающих на его развитие. Ал-Истахри говорит прямо, что „в стране их (жителей Хорезма—Н. Ю., Ю. М.) нет золотых и серебряных рудников и никаких драгоценных камней“.² Сообщение ал-Истахри хорошо согласуется с „Минералогией“ Бируни. В этом труде также отсутствуют какие-либо сведения о горном деле Хорезма в IX—XI вв.

Мухамед ибн-Мансур, живший в XIII в., сообщает, что „бирюза вывозится из Нишабура, Хазана, Кермана, Ховарезма“.³

Ибн Орабаллах ал-Омари в сочинении „Пути взоров по государствам разных стран“, составленном в первой половине XIV в., при описании Хорезма отмечает: „Есть там каменоломня, из нее добываются камни, из которых делают котлы (для варки); держится такой котел около 60 лет“.⁴

Этим, пожалуй, и исчерпываются источники, касающиеся горного дела в Хорезме в период античности и средневековья. Для более позднего времени, вплоть до XVIII в., мы не располагаем никакими сведениями о горном промысле. Для правильного понимания истории вопроса необходимо остановиться на развитии горного дела в Хивинском ханстве в XVII—XIX веках.

В 1714 г. прибывший в Москву туркменский торговец Ходжа Нефес сообщил Петру I о песочном золоте на Аму-Дарье.⁵ Проверка достоверности сведений о россыпном месторождении золота в низовьях Аму-Дарьи стала одной из задач экспедиции Бековича-Черкасского в Хивинское ханство в 1717 г., закончившейся безрезультатно.

Секретарь Ориентальной экспедиции Посольского приказа Флорио Беневени в 1722 г. доносил из Бухары Петру I, что в „Хивинских областях, в горах Шеджелильских, серебрянные руды суть заподлинно“. Далее он писал, что „в таких горах серебро, и оно много достати

¹ М. Е. Массон. К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент, изд. АН УзССР, 1953, стр. 10—18.

² Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. 1. М.-Л., 1939, стр. 180.

³ Книга о драгоценных камнях Мухамеда Ибн Мансура (перев. Соколова). „Горный журнал“, кн. I. СПб, 1828, стр. 10.

⁴ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. 1. СПб, 1884, стр. 242 (По другой рукописи—около 2 лет).

⁵ С. П. Руссов. Путешествие из Оренбурга в Хиву самарского купца Руквикина в 1753 г. СПб, 1840, стр. 18—19.

можно; чего ради хан, определяя работников, послал одного немедленно такое серебро искать, и с невеликим трудом сыскано и хану на образец большой кусок камня доставлено, из которого при пробе больше половины серебра вышло“.¹

В описании низовий Аму-Дарьи, относящемся к 1734—1741 гг., упоминаются золотые и слюдяные горы.²

На „Ланкарте“, составленной Гладышевым и Муравиным, на правом берегу Аму-Дарьи обозначена „гора Шелгентау (Шейх-Джелитау—Н. Ю., Ю. М.), в которой называют золотые и серебряные руды“.³

В 1753 г. в Хиву совершает путешествие самарский купец Рукавкин. Сообщаемые им сведения страдают противоречивостью. Не доезжая до Хивы, есть превеликая гора, которая содержит золотую руду, отмечает купец, „но добывать или плавить оную им, хивинцам... под клятвой запрещено“. И в то же время Рукавкин пишет, что „хивинские народы золота и серебра не делают, а получают оное из Персии и Бухарии“.⁴

Ф. Ефремов, пробывший в 1774—1782 гг. в плену в Бухаре, упоминает о двух горах близ Хивы, „серебро и золото содержащих“.⁵

В 1790 годах в Хивинском ханстве находился около года митрополит Хрисанф. Он сообщает, что „Хива... имеет горы, в которых находятся золотые и серебряные руды“.⁶

В конце XVIII в. Хиву посетил Бланкеннагель. По его сведениям, Хивинское ханство „особенно изобилует богатыми и серебрянными рудами“. Эта мысль неоднократно подчеркивается автором. Бланкеннагель воспользовался, видимо, широко распространенными в Хиве слухами о золоте и серебре.⁷

В „Описании Хивинского ханства“, составленном в 1803 г. в Оренбурге, есть незначительные сведения о горном деле в низовьях Аму-Дарьи. „На правой стороне Аму-Дарьи, против Хивинских владений, лежит гора... именуемая Ванслы-кара, также золотая... на вершине горы находятся многие разработанные ямы, весьма глубокие, из коих прежде доставались серебрянные и золотые руды... На ней же находят сердолики и некоторый род бирюзы“.⁸

Н. Муравьев, описывая Хивинское ханство, сообщает, что в хребте Ших-Джери заключаются хорошие „золотые и серебрянные руды, не так изобильные медные, но в большом количестве свинец и множество серы... добывают из гор только свинец и медь и то с малым искусством“. Из дальнейших замечаний видно, что полученным сведениям Н. Муравьев не вполне доверяет. „...Есть ли же во владениях их находился золотой песок,—писал он,—то без сомнения его бы разрабатывали, ибо очищение его не требует большого умения“.⁹

Переводчика Бежанова, сопровождавшего в 1823 г. в Хиву двух

¹ А. Н. Попов. Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом. „Записки РГО“, СПб, 1853, кн. IX, стр. 378—379.

² Экстракт исторический о киргиз-кайсатском народе с 1734 по 1741 гг. Рукопись в Государственной публичной библиотеке имени В. И. Ленина, № 32, стр. 1—259, том ПАН XI, пункт 5. Пользуясь случаем, приносим искреннюю благодарность У. Бекбаулову, любезно указавшему нам на данный источник.

³ Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 гг. Гладышевым и Муравиным. СПб, 1851.

⁴ С. П. Руссов. Указ. соч., стр. 32—33.

⁵ И. В. Мушкетов. Туркестан, т. 1. СПб, 1886, стр. 73.

⁶ Записки Хрисанфа митрополита Новопатрасского о странах Средней Азии, посещенных им в 1790 годах. М., 1861, стр. 5.

⁷ Путевые заметки майора Бланкеннагеля о Хиве в 1793—1794 гг. „Вестник РГО“, СПб, 1858, ч. 22, № 3, стр. 98.

⁸ В. В. Григорьев. Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковой крепости. „Записки РГО“, СПб, 1861, кн. 2, стр. 126.

⁹ Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг. Николая Муравьева, ч. 1—2. М., 12,23 стр. 19, 20, 90.

чиновников, хивинский хан просил найти в Астрахани „двух знающих людей, из которых один мог бы отыскать во владениях хана медную руду, а другой лить пушки“.¹

Русский пленный Никитин, живший в Хиве при Аллакули-хане (1830—1842 гг.), сообщает, что „хан приказал привезти руду с горы, которая отстоит от Хивы на 5 дней ходу, и велел русским пленникам плавить эту руду на серебро, но те, попытавшись, отвечали, что плавить из нее можно не серебро, а олово“.² Как видно, правители Хивы предпринимали некоторые попытки к развитию горного промысла, которые, однако, не имели серьезного значения.

Другой пленник, Кавырзин, находившийся в Хиве в это же время, сообщает, что будто бы хивинцы убедились в отсутствии золота в горах Шейх-Джели.³

О золотой горе (Алтынтау) в низовьях Аму-Дарьи, на вершине которой находятся глубокие ямы, где прежде добывали золото и серебро, писал Г. Гельмерсен.⁴

В 1842 г. Хивинское ханство с дипломатической миссией посетил Г. И. Данилевский. Он отмечает, что в „некоторых местах, преимущественно против г. Гурлена, хивинцы добывают мрамор довольно большими кусками. При Мухамед-Рахим-хане производилась разработка меди в горах Шейх-Джели“.⁵

Сопровождавший Г. И. Данилевского Ф. Базинер сообщает, что в горах Шейх-Джели „достают медь, мрамор, железо и даже золото“. У подножья горы Шейх-Джели Базинер „нашел значительное количество глинисто-железного и железистого песчаника“. Рассуждая о возможности существования золотоносного песка в Шейх-Джели, Базинер указывает на сходство пород этой возвышенности с обнажениями Урала.⁶

При описании минеральных богатств Бухарского ханства, Бутенев частично касается и низовий Аму-Дарьи. Он пишет, что „давнишние слухи о нахождении золота в горах Василь-кара (Шейх-Джели—Н. Ю., Ю. М.)... близ устья реки Аму кажутся мне весьма сомнительны“.⁷ Для Бутенева характерно скептическое отношение к возможностям открытия полезных ископаемых в Бухарском и Хивинском ханствах.

В 1863 г. профессор восточных языков и литературы при Пражском университете А. Вамбери, наряду со многими странами Средней Азии, посещает Хивинское ханство. „...Горы Овейс-Карайне,—пишет он,—на левом берегу Оксуса в пределах Хивинского ханства... изобилуют благородными металлами“. А. Вамбери пишет далее, что во времена Аллакули-хана в горах три года велись разработки серебра под началом одного опытного в этом деле индийца. Было добыто „значительное количество этого металла. Со смертью хана индеец эгог, как говорят, бежал и был убит, и с той поры рудники стоят заброшенными“.⁸

¹ Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией. Архив наместника, т. VI, ч. 2, стр. 740.

² Альманах на 1858 год, стр. 207.

³ Nachrichten über Chiva, Buhara und s. w. gesammelt von General-Major Gens und bearbeitet von Gr. V. Helmersen. S. Petersburg, 1839. Цит. по В. В. Григорьеву. Описание Хивинского ханства..., стр. 129.

⁴ Г. Гельмерсен. Хива в нынешнем своем состоянии. „Отечественные записки“, 1840, стр. 98.

⁵ Г. И. Данилевский. Описание Хивинского ханства. „Записки РГО“, СПб, 1851, кн. V, стр. 70.

⁶ П. С. Савельев. Путешествие г. Базинера через Киргизскую степь в Хиву. „Географические известия“, 1849, № 4, стр. 170, 207—208.

⁷ Бутенев. Минеральные богатства Бухарии. „Горный журнал“, 1842, ч. IV, кн. XI, стр. 142.

⁸ А. Вамбери. Очерки Средней Азии. М., 1868, стр. 123, 124, 126.

Н. П. Барбот де Марни сделал первое краткое геологическое описание всего Султануиздага. Н. П. Барбот де Марни, видимо, первым из геологов посетил древние горные выработки Казантау. „В этих породах,—отметил он,—особенно в тальковом сланце, находится огромное количество древних выработок. Есть предание, что тут добывались серебряные и золотые руды, но я никаких рудных знаков не нашел в отвалах. Я пришел к убеждению, что здесь ничего не добывали, а только искали“. Таким образом, известный русский геолог принял впервые увиденные древние тальковые выработки за разработки золота и серебра, но отнес их к числу поисковых.¹

Северо-западные отроги Султануиздагского хребта на карте А. В. Каульбарса названы Алтынтау.² Истории горного дела уделяет значительное место в своей монографии И. В. Мушкетов. Северо-западный конец хребта, по его сведениям, местные жители называют Алтынтау.³

В 1914 г. геологами А. Е. Вознесенским, К. А. Поповым и И. А. Преображенским было проведено более тщательное обследование Султануиздага. При описании центральной части хребта они отметили, что „тальковые сланцы Казан-тау содержат ...многочисленные выделения пирита; последнему обстоятельству, вероятно, обязаны своим происхождением... находящиеся в этих сланцах остатки старинных выработок“.⁴

Первой попыткой описания истории горного дела в Средней Азии и, в частности, в Хорезме нужно считать статью В. Н. Вебера „Древняя и современная рудопромышленность Туркестана“.⁵ Основным недостатком этой работы является чрезмерная краткость. Очень многие исторические сведения о горном деле Хорезма в XVIII—XIX вв. не были использованы автором. Несмотря на это, упоминания В. Н. Вебера о бирюзе, сердолике и других минералах имеют важное значение для разрывания поисков драгоценных и полудрагоценных камней.⁶ Краткие описания тальковых выработок в Казантау и Кызылсае встречаются во многих работах по геологии. Однако они лишь констатируют факт наличия этих выработок.⁷

Впервые планы и разрезы отдельных тальковых выработок в районе Казантау и Кызылсае были сняты А. Н. Чураковым. Им же проведено детальное геологическое картирование указанных участков, что имело большое значение при изучении древних выработок.⁸

Следующая попытка изучения истории горного промысла Средней Азии была предпринята П. П. Ивановым. Однако исторические сведения о горном деле Хорезма и Хивинского ханства недостаточно полны.⁹

¹ Н. П. Барбот де Марни. О геологических исследованиях в Аму-Дарьинском крае. „Известия РГО“. СПб, 1875, т. XI, вып. II, стр. 114—115.

² Низовья Аму-Дарьи, описанные по собственным исследованиям в 1873 г. Генерального штаба полковником бароном А. В. Каульбарсом. „Записки Русского географического общества по общей географии“, СПб, 1881, т. IX, стр. 32.

³ И. В. Мушкетов. Указ. соч., стр. 638.

⁴ А. Е. Вознесенский, К. А. Попов, И. А. Преображенский. Султануиздаг. Петрографический очерк. „Известия Петербургского политехнического института“, СПб, 1914, т. XXI, вып. 2, стр. 396.

⁵ В. Н. Вебер. Древняя и современная рудопромышленность Туркестана. „Поверхность и недра“, 1917, № 4, стр. 146—147.

⁶ Самого пристального осмотра для поисков разработок бирюзы заслуживает район Теминбулакская и западный склон Ащенинтау.

⁷ А. М. Гаврилин. Полезные ископаемые Каракалпакской АССР. Труды Комплексного научно-исследовательского краеведческого института Каракалпакской АССР, вып. 7. Туркуль, 1936, стр. 74—75. Я. С. Висневский. Петрография основных и ультраосновных пород Султан-Уиздага. Ташкент, 1940, стр. 113—114. Минеральные ресурсы Узбекистана. Ташкент, 1937, стр. 366.

⁸ А. В. Пек, А. Н. Чураков. Султануиздаг. М.-Л., 1936.

⁹ П. П. Иванов. К истории развития горного промысла в Средней Азии. М.-Л., 1932.

Историй горного дела на территории Узбекской ССР посвящена работа М. Е. Массона. Написанная на большом историческом материале, она является важным вкладом в историю горного дела Средней Азии. Автор привлек новые, ранее никем не использованные сообщения античных и средневековых авторов, правда, без ссылки на источники. И все-таки книга не может претендовать на полноту имеющихся сведений.

Приписываемое М.Е. Массоном Максиди сообщение о разработке камня в горах Султануиздага, около которых расположен г. Баратегин,¹ основано на неточном использовании источников. Ал-Истахри пишет в своем географическом сочинении: „От Кердера до селения Баратегин 2 дня пути“.² Как известно, город Кердер локализован С. П. Толстовым³ на городище Хайван-кала.⁴ Исходя из того, что ал-Истахри дает расстояние между населенными пунктами Хорезма от главного города—Кята, Баратегин следует поместить севернее городища Хайван-кала, где-то недалеко от Аральского моря.

В 1960 г. Хорезмской экспедицией АН СССР было начато изучение памятников горного дела в Султануиздаге. М. Г. Воробьева обследовала множество пунктов разработок тальково-карбонатных пород и остатки средневековых мастерских по изготовлению из талька заготовок каменных котлов⁵. Одновременно в этом же районе открыта мастерская по добыче и первичной обработке кремня. На следующий год здесь были проведены раскопки мастерской.

В 1963 г. в Султануиздаге вела работы ревизионно-тематическая партия по изучению древней горной деятельности производственного геологического комитета при Совете Министров УзССР под руководством С. В. Лопатина.⁶ Партия сняла планы и разрезы, провела описание выработок талькового камня на трех важнейших месторождениях в центральной части хребта.

В горах Шейх-Джели, т. е. в западной оконечности Султануиздага, были открыты древнейшие выработки, в которых после соответствующих анализов обнаружены признаки золота. Здесь, по мнению С. В. Лопатина, прослеживаются два периода разработок. Первый относится к периоду поздней хорезмийской античности (IV в. н. э.), второй—к XVII—XVIII вв. Открытие этих выработок имело большое значение. Решился сложный и запутанный в письменных источниках вопрос о добыче золота в Хивинском ханстве. Видимо, месторождения не имели никакого промышленного значения, и дальнейшие поиски металла результатов не дали. Все это привело к противоречивым мнениям о наличии золота в Хивинском ханстве.

В районе Кара-Чингель (Ащеньнтау)—самой высокой точке Султануиздага—были описаны, сняты схематические планы бирюзовых выработок на месторождениях Теминбулак и Султануиздаг. Большая часть бирюзовых выработок отнесена к эпохе средневековья.⁷

В восточной части Султануиздага партией С. В. Лопатина еще раз изучалось месторождение Бурлы—3. По его мнению, здесь добывался

¹ М. Е. Массон. Указ. соч., стр. 18.

² Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.—Л., 1939, т. I, стр. 481.

³ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1947 г. „Известия Академии наук СССР“, серия истории и философии, 1948, т. V, № 2, стр. 190.

⁴ Городище Хайван-кала расположено в 40 км к северу от г. Нукуса.

⁵ С. П. Толстов, Т. А. Жданко, М. А. Итина. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1961 гг. МХЭ, вып. VI. М., 1963, стр. 6.

⁶ С. В. Лопатин. Горные клады. „Советская Каракалпакия“ от 24 января 1965.

⁷ А. В. Виноградов, С. В. Лопатин, Э. Д. Мамедов. Кызылкумская бирюза. „Советская этнография“, 1965, № 2, стр. 114.

халцедон. Он мог широко использоваться в хорезмийских и каракалпакских женских украшениях. В окрестностях Бурлы—3 действительно имеются значительные выходы кремневых пород на поверхность, которые также разрабатывались в эпоху неолита, но в последних отсутствуют столь глубокие, как на Бурлы—3, выработки.

Предварительное обследование горных древних выработок в 1963 г. партией под руководством С. В. Лопатина позволило наметить направление дальнейших исследований по горному делу Султануиздага. Изучение обнаруженных им многочисленных древних выработок и поселений горнодобытчиков при тщательном археологическом изучении поможет составить полную картину развития производительных сил древнего Хорезма, прольет свет на многие важные вопросы древней и средневековой истории народов Хорезмского оазиса.

Резюме

Мақалада таў қазындыларының бар болыуы итималь болған Хорезмнің тийкарғы районларының бири—Султануиздагдағы таў промыслының раўажланыуын көрсететуғын барлық жазба ҳәм басқа да дереклерди авторлар жәмлеп көрсетеди.
